

УДК 340.11
ББК 67.0

DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.349

Mordovtsev Andrey Yurievich,
doctor of law, professor,
professor of the department of theory
and history of the state and law
of the Rostov institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice,
professor of the Taganrog institute of management and economy,
Rostov-on-Don,
e-mail: aum.07@mail.ru

Pozdnyakov Ilya Petrovich,
post-graduate student,
department of theory and history of state and law
of the Taganrog institute of management and economy,
Taganrog,
e-mail: aum.07@mail.ru

Мордовцев Андрей Юрьевич,
д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры теории
и истории государства и права
Ростовского института (филиала)
Всероссийского государственного университета юстиции,
профессор Таганрогского института управления и экономики,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: aum.07@mail.ru

Поздняков Илья Петрович,
аспирант кафедры теории
и истории государства и права
Таганрогского института управления и экономики,
г. Таганрог,
e-mail: aum.07@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-33-00034 «Правовая ментальность провинциальных сообществ и диаспор в современной России: теоретико-методологический и сравнительно-правовой аспект (на примере Дальнего Востока и Южного федерального округа)»

The work was financially supported by RFBR grant No. 17-33-00034 «Legal mentality of provincial communities and diasporas in modern Russia: the theoretical-methodological and comparative legal aspect (in the example of the Far East and the Southern Federal District)»

ПРАВОВОЙ ПРОГРЕСС В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРАВКУЛЬТУРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

LEGAL PROGRESS IN THEORETICAL AND LAW AND CULTURAL MEASUREMENT

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

12.00.01 – Theory and history of law and state; history of the concept of law and state

В статье рассмотрены различные подходы к понятию и природе правового прогресса с использованием наиболее подходящих для этого инструментариев: сравнительно-правового и сравнительно-исторического методов, позволивших авторам вскрыть его доктринальные и содержательные основы в широком правокультурном отечественном и западном поле. Авторами в статье показаны различные подходы к пониманию указанной категории в контексте эволюции идей, принадлежащих как западноевропейским, так и российским мыслителям. При этом основной акцент сделан на филиацию представлений о правовом прогрессе в рамках отечественного государственно-правового поля. В ходе исследования в статье выявляются факторы, оказывающие влияние на понимание и оценку правового прогресса в истории российского права и государства. Авторы исходят из гипотезы о том, что правовой прогресс следует рассматривать в качестве процесса развития правовых форм, институтов, отношений, в ходе которого субъекты национальной правовой жизни стремятся к достижению стабильности, сбалансированности всех компонентов правовой системы, к ее эффективному функционированию, достижению первоочередных целей правового регулирования. Обосновывается позиция, в соответствии с которой в истории отечественного права и государства можно выделить несколько переломных моментов, своего рода «болевы́х точек», которые тем не менее стимулировали дальнейшее развитие и правовых, и политических институтов, приводили их к новым качественным характеристикам. К таковым следует

отнести принятие христианства в 988 году, формирование Московского царства на идее «Москва — третий Рим», церковный раскол середины XVII века, реформы Петра I, революции 1917 года, этап постсоветского развития государства.

The article examines various approaches to the concept and nature of legal progress using the most appropriate tools for this: comparative legal and comparative-historical methods, which enabled the authors to disclose its doctrinal and substantive foundations in a broad right-cultural domestic and western field. The authors in the article show different approaches to understanding this category in the context of the evolution of ideas belonging to both Western European and Russian thinkers. At the same time, the main focus is on the branch of ideas about legal progress within the framework of the domestic state-legal field. In the course of the research, the article reveals the factors that influence the understanding and assessment of legal progress in the history of Russian law and the state. The authors proceed from the hypothesis that legal progress should be viewed as a process of development of legal forms, institutions, relations, during which the subjects of the national legal life strive to achieve stability, balance of all components of the legal system, to its effective functioning, to achieve the primary objectives of the legal regulation. The author substantiates the position according to which in the history of the national law and the state several breakthrough moments, a kind of «pain points» can be underlined, which nevertheless stimulated the further development of both

legal and political institutions, led them to new qualitative characteristics. These include the adoption of Christianity in 988, the formation of the Moscow kingdom on the idea of «Moscow is the third Rome», a church schism in the mid-17th century, the reforms of Peter the Great, the revolution of 1917, and the stage of the post-Soviet development of the state.

Ключевые слова: правовой прогресс, правовая культура, закон, право, реформы, переходное государство, правопорядок, правовой менталитет, дискурс, правовые формы.

Keywords: legal progress, legal culture, enactment, law, reform, transitional state, law and order, legal mentality, discourse, legal forms.

Введение

Актуальность темы исследования. Понятие «прогресс» в истории как отечественного, так и зарубежного гуманитарного познания всегда привлекало к себе внимание своей смысловой и критериальной неоднозначностью. Так или иначе, но о прогрессе (либо, наоборот, регрессе) общества, государства, человека, права, культуры и цивилизации говорили многие мыслители прошлого и настоящего, кто в явной форме, кто в завуалированном, возможно, контекстуальном виде.

Правовой прогресс следует рассматривать в качестве процесса развития правовых форм, институтов, отношений, в ходе которого субъекты национальной правовой жизни стремятся к достижению стабильности, сбалансированности всех компонентов правовой системы, к ее эффективному функционированию, достижению первоочередных целей правового регулирования. Кроме того, необходимо отдавать отчет в том, что не существует некоего универсального, константного понимания содержания правового прогресса, а также его критериев, так как они всецело сопряжены с избранной в конкретном государстве в определенный исторический период стратегией правового и отчасти политического развития имеющими место правоментальными установками (которые также часто относят к «юридическим архетипам»). Поэтому вряд ли возможно говорить о правовом прогрессе вообще, его всегда нужно рассматривать сквозь историческую, этническую и правокультурную призму. В этом плане стремление вывести некую общепринятую или идеальную формулу правового прогресса, сформулировать какие-либо универсальные критерии (даже используя, например, столь популярные в современном либеральном правовом дискурсе институты, как «права человека», «правовая свобода», «юридические гарантии» и др.) просто обречено на провал, причем даже если такого рода тренды происходят на международно-правовом (экстерриториальном, наднациональном) уровне (через конвенции, декларации, пакты и т. п.)

Изученность проблемы. Следует отметить, что проблема правового прогресса неоднократно поднималась в отечественной науке в ракурсе разработки философских [1; 2], юрико-категориальных [3] и правоментальных оснований права и государства [4; 5; 6], закономерностей развития средневекового (канонического, церковного) права [7; 8], отчасти в отраслевом исследовательском поле [9; 10; 11]. Однако в теоретическом и правокультурном измерении проблема правового прогресса остается по-прежнему малоизученной.

Цель исследования — концептуализация правового прогресса в контексте самобытности и универсальности западного и отечественного юридических дискурсов, специфики эволюции российских государственно-правовых институтов и форм.

Задачами исследования являются:

1) выявление и анализ ключевых подходов к определению правового прогресса в истории западноевропейских учений о праве и государстве: от античности до философско-правовой доктрины Г. В. Ф. Гегеля;

2) выделение этапов трансформации идеи правового прогресса в истории права и государства России;

3) формулировка факторов (базовых политико-правовых и социально-правовых практик), обуславливающих изменения понимания содержания правового прогресса, а также первоочередных (прогрессивных) целей национального правового развития.

Научная новизна исследования заключается в том, что при реализации поставленных в статье задач ее авторы использовали историко-дискурсивный подход М. Фуко, в рамках которого исследования ориентируются на выявление так называемых скрытых социальных практик и связанных с ними научных (философских или религиозных) дискурсов, которые становятся способом объяснения и понимания юридических или политических реалий. В этом плане в статье выявлены доктринальные, правокультурные и исторические основы осмысления правового прогресса в его западной и российской транскрипции.

Основная часть

Не вторгаясь в отдаленный от нас в культурно-цивилизационном плане восточный мир, обратим внимание на западноевропейский (античный) дискурс прогрессистского видения бытия. В его рамках идея прогресса отождествляется с проблемой постоянного вечного *совершенствования* человека, государства и общества, закона и сводится к столь привычному, например в Древней Греции, *поиску идеала* во всем (от человеческой души до законов государств и архитектурных форм).

Так, одним из первых вопросов о необходимости совершенствования поднимает Сократ, который, в отличие от своих предшественников — греческих натурфилософов, сосредоточил свое внимание именно на сущности человека (знаменитое Сократовское «вычитание»: «Меня интересуют не деревья в лесу, а люди в городах, так как деревья не могут меня ничему научить»), которую видит, прежде всего, в его душе, под которой понимает разум, некую «мыслящую активность», а также нравственно ориентированное поведение [12, с. 65]. Более того, в своем видении «прогресса души» Сократ, по сути, развивает известное суждение Протагора о «человеке как мере всех вещей», которое в рамках нашей концептуализации читается как «человек — критерий понимания и оценки своих собственных дел» в качестве прогрессивных (совершенствующих его и окружающий мир) либо, наоборот, регрессивных, разрушающих и себя, и окружающую его многомерную действительность [13, с. 263–264.]. Собственно, *сократо-платоновский дискурс прогресса* имеет ярко выраженный индивидуалистический или атомарный характер, что, конечно же, будет свойственно дальнейшему развитию всего западного (правового, политического и социально-экономического) мира.

Размышляя о душе, Сократ отмечает, что высшей задачей является ее «взращивание». В «Апологии» Сократ призывает «заботиться раньше и сильнее не о телах ваших или о деньгах, но о душе, чтобы она была как можно лучше», старается убедить каждого «не заботиться о своих делах раньше и больше, чем о себе самом и о том, чтобы самому стать как можно лучше и разумнее» [14, с. 108]. Достижение совершенства, по Сократу, происходит через добродетель, отождествляемую им со знанием (окружающего мира, государства, законов, человека и т. п.).

В несколько ином, собственно, уже в правовом измерении к проблеме совершенствования обращаются софисты, идеи которых несколько предшествуют сократовским во времени, но также имеют ярко выраженный индивидуалистически гуманистический или даже социально-антропологический пафос. Именно софисты — древние «интеллектуальные демократы» и просветители — обращают внимание на то, что не только человек, но и *полис* является критерием справедливости. Более того, софисты первыми в античной греческой традиции подчеркнули важнейшую роль человеческого, а не природного (божественного) закона в прогрессивном (у софистов — справедливом) развитии политики и даже морали.

Представления о прогрессе и регрессе в государственно-правовом пространстве можно, конечно, обнаружить у Платона и далее. Так, важными условиями становления идеального (читай — *прогрессивного*) государства Платон считает *верховенство законов* (правда, законов бога Кроноса) и недопустимость их подчинения каким-либо частным интересам. «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги» [15, с. 204].

Аристотель также не остается в стороне от рассмотрения идей социального и уже государственно-правового прогресса. Он также остается в гуманистически-антропном познавательном поле (что, в общем, свойственно греческой традиции философствования) и сравнивает государственное благо с благом отдельно взятого человека, так как социальное, по его убеждению, всегда формируется из частного, атомарного.

Высшим или «последним» благом, согласно Аристотелю, является счастье. Отвечая на вопрос: «Что же такое счастье?», Аристотель приходит к выводу, что «высшее благо и счастье, доступное человеку, — в совершенствовании себя» [12, с. 156]. Таким образом, проецируя взгляды Аристотеля на способ достижения «счастья» в политико-правовую сферу можно сделать вывод, что для государства «счастье» заключается в непрерывном совершенствовании государственного устройства, базовых институтов государственной власти, способов ее легитимации, достижении качественно нового уровня национальной (полисной) правовой жизни.

В государствоведческом контексте следует обратить пристальное внимание на философско-правовые построения Полибия, считающего, что прогрессивные либо регрессивные начала развития (расцвета и гибели) любого государства всецело связаны с *судьбой* и *природой*. «Основной вопрос состоит в том, почему одни государства достигают успеха, а другие — нет? Причина, по мнению Полибия, кроется в государственном устройстве» [16, с. 83].

Государственно-правовой прогресс/регресс в представлении Полибия в полной мере «фаталистичен»: так или иначе, но любое государство в силу своей «судьбы» идет к своему неизбежному, в принципе predeterminedенному краху, распаду, однако ряд государств все же способны «замедлить» этот процесс благодаря правильной организации власти, созданию гармоничного правового и политического пространства.

В качестве примера Полибий, разумеется, приводит Римскую империю, которая примерно за полвека покорила многие европейские и азиатские народы, сохранив при этом прогрессивное развитие собственной государственности, важнейших институтов государственной власти. В целом же понимание прогресса вообще и правового прогресса в частности у Полибия следует искать в контексте его теории «кругооборота форм государственного устройства».

В контексте средневековой христианской правовой культуры содержание прогресса вообще и правового прогресса в частности имело исключительно теологический характер, проистекавший, естественно, из библейских (иудейских и христианских) эсхатологических постулатов. В первую очередь здесь, разумеется, стоит обратить внимание на идеи Аврелия Августина, его трактат «О граде Божием». Концепцию «прогрессивного развития христианского мира» Августин строит на противопоставлении двух политических и правовых начал, двух форм организации социального общежития — «Град Земной» и «Град Божий». В этом плане политико-правовой прогресс более чем очевиден — это *движение общества и отдельного человека от первого ко второму*.

«Град», в котором живут «по человеку», суть «град земной». Общность людей, живущих «по Богу», — «град Божий» [17, с. 27]. Августин отмечает, что «...мы знаем, что существует некий град Божий, гражданами которого мы страстно желаем быть... Граждане земного града <...> создают для себя некоторым образом частные самодержавства и от обобщенных подданных требуют божеских почестей» [17, с. XI.I].

Позиция Аврелия Августина как крупнейшего христианского теолога, а именно заложенный им духовно-доктринальный фундамент *антиэтатизма* (государство или град земной есть «сосуд скверны и богомерзости»), стала принципиальным и ценностным ориентиром и для дальнейших схоластических схем, например, для господствовавшей в Европе несколько столетий теории закона Фомы Аквинского, в рамках которой утверждался своего рода качественный и функциональный регресс «Закона»: от «Вечного» до «человеческого» — позитивного права. Антиэтатизм Августина породил *антиюрисдизм* Фомы Аквинского.

Тем не менее такая модель была единственной и рассматривалась в качестве абсолютной истины вплоть до философско-правовых построений Г. Гроция (первая половина XVII века), в рамках которых и начинает формироваться уже принципиально не христианско-католическая *теория естественного права*, ставшая, в свою очередь, источником будущих либеральных концепций правового (и политического) прогресса. Возникновение теории естественного права в западном правовом дискурсе рассматривается как закономерный результат системного кризиса средневековой (теологической) правовой культуры, явление, безусловно, *прогрессивное*, продукт секуляризации ранее устойчивых христианских ценностей и принципов мирозерцания.

Более того, именно с этого типа правопонимания и, по сути, начинается формирование буржуазного типа права, основанного, по большому счету, на формально-юридическом равенстве («юридической бессловности») и на признании неких «врожденных» прав человека (последнее, само по себе в высшей степени прогрессивно, так как по значению своему сопоставимо ни много ни мало с базовым новозаветным постулатом о признании равенства всех народов мира перед «единым сущим Богом»).

Собственно, в таком культурно-смысловом контексте дальнейшее обращение к содержанию категорий «прогресс» и «правовой прогресс» в полной мере обосновано подводит их исследователя к философско-правовой теории Г. В. Ф. Гегеля, выразившего уже новоевропейский взгляд на содержание и институты прогресса в государственно-правовом пространстве. Вообще, Гегель — суть вершина и «выход» из поля немецкой классической философии, наиболее последовательный диалектик и «отец» новоевропейского объективного идеализма.

Высшей точкой государственно-правового прогресса по Гегелю является «конец истории», который он связывает с «торжеством германского мира», где, как известно, «свободны все». Философско-правовой дискурс Гегеля представляет собой стройную и диалектически совершенную систему идей и отношений («абстрактное право», «моральность», «нравственность», причем последняя ступень включает в себя диалектическое единство семьи, гражданского общества и государства — вершины политико-правового прогресса), ставшую основой для развития (в содержательном и/или методологическом плане) разных типов западного правопонимания.

В «Философии права» Г. В. Ф. Гегель предлагает несколько аспектов прогресса. Так, он определяет сущность государственно-правового прогресса, утверждая, что «...индивиды не могут по своему произволу отделиться от государства, так как они являются его гражданами с природной стороны. Разумное назначение человека — жить в государстве... Серьезный прогресс, достигнутый государством в новое время, состоит в том, что оно остается целью в себе и для себя и что каждый не может, как это было в средние века, действовать по отношению к нему, руководствуясь частными соглашениями» [18, с. 130].

Другими словами, «Гегелево государство» — это результат неизбежного (по Г. В. Ф. Гегелю) социального прогресса, абсолютный публично-властный суверен, продукт всемирной истории, высшее из всего «разумного», созданного в национальном пространстве, «...ибо государственный строй не есть нечто созданное: он представляет собой работу многих веков, идею и сознание разумного в той мере, в какой оно развито в данном народе... Народ должен чувствовать, что его государственное устройство соответствует его праву и его состоянию, в противном случае оно может, правда, быть внешне наличным, но не будет иметь ни значения, ни ценности» [18, с. 315].

Еще одной стороной прогресса, формой выражения его бытия является сама мировая история, точнее, ее особая тотальность, которая «...есть примирение с самим собой, так что вне ее нет ничего, что не было бы в ней, что она как полная целостность предметна. Это существенно и есть в целом прогресс» [18, с. 482].

В философско-правовой доктрине Г. В. Ф. Гегеля имеет место и еще один аспект прогресса — материальный (экономический). Гегель выделяет и дает оценку не только

собственно правовой стороне развития государства как суверена, как некоей абсолютной целостности, но и выделяет «экономику государства». В частности, он считает, что последняя «...состоит в той выгоде, которую приносит наличие у лица свободной собственности, частной собственности... Определение собственности является громадным прогрессом, который часто не ценят так, как следовало бы ценить» [18, с. 403].

В общем, именно Г. В. Ф. Гегель вводит исследователя в современный дискурс прогрессистского видения государства, права, собственности, всемирной истории.

Именно гегельянская диалектика прогресса, в частности, прогресса государства и правовых институтов, собственности в дальнейшем и стала основой для марксистской прогрессивно-формационной модели общественного развития, для разных вариантов «конца истории», представленных, например, А. Кожевным или Ф. Фукуямой.

Такое богатое правовое, политическое и социально-философское наследие, в рамках которого понятие «прогресс» подвергается самому разному измерению, разумеется, не могло не оказать влияние на соответствующее отечественное эвристическое поле. Категории «прогресс» и «правовой прогресс» получали свое смысловое и ценностное наполнение в контексте истории русской правовой и политической мысли примерно с XI века по начало XX века.

Ясно, что в столь широком временном пространстве можно и нужно выделить ряд *этапов*, на которых возникали и эволюционировали отличающие модели прогресса вообще и правового прогресса в частности. Ясно, что каждый из представленных здесь «шагов» отечественной истории отличается собственной акцентуацией различных критериев правового прогресса, с помощью которых и дается оценка содержанию национальной правовой системы в «прогрессивно-регрессивной» системе координат.

К основным же этапам эволюции представлений о правовом прогрессе в российском государственно-правовом мире следует отнести:

1) *традиционно-классический период* развития русского права (от митрополита Илариона XI века до возникновения широко известной идеологемы Филофея — «Москва — третий Рим» XVI века);

2) *православно-имперский* (от правления Ивана IV до конца XVII века). Этот период чрезвычайно богат различными знаковыми для русского государства в целом и его правовой жизни в частности событиями (Смутное время, церковный раскол и др.);

3) *«империя петербургского стиля»* — термин возник в евразийском политико-правовом дискурсе на рубеже XIX–XX веков, однако он отражает период с начала XVIII века до октября 1917 года, учитывая, что Февральская революция привела к быстрому, по сути, трехдневному прекращению монархической истории отечественного государства, но «петербургская империя» все еще продолжала существовать;

4) *советский этап* представлений о «правовом прогрессе». Это особый период (это, в частности, отмечали евразийцы: Трубецкой Н. С., Алексеев Н. Н. и др.). Именно в этот период исчезает «франкофонная» (термин Гуревича А. Я) или дворянская Россия с соответствующими ей юридическими, политическими, социально-экономическими и духовными институтами, и абсолютный верх берет Россия «профанная», «молчаливое большинство» (термин Гуревича А. Я.) или народ, устанавливая новый

правовой и политический порядок, который тем не менее все же оказывается ментально сопряженным с допетровским социально-правовым пространством, вырастает из национальных правовых и политических архетипов;

5) *постсоветский этап*, который, к сожалению, еще сложно типизировать должным образом в силу относительно небольшой протяженности во времени, затянувшегося переходного состояния права и государства, нечеткости заявленных властными элитами целей политико-правового развития и его базовых принципов. Хотя уже становится ясно, что в рамках даже такого короткого временного периода произошла смена двух стратегий развития ключевых социальных институтов (государства, права, экономики и др.): *модернизационной и постмодернизационной*. В этом плане в полной мере следует согласиться с В. Г. Федотовой, считающей, что настало время смены модернизационной стратегии национального юридико-государственного развития, а именно необходим переход от «догоняющей модернизации» (а в России 90-х годов она вылилась в обычную вестернизацию) к постмодернизации как развитию на основе собственных культурных оснований, то есть без смены правовой, политической и духовной идентичности [19; 20]. Ясно, что смена базовых стратегий неизбежно окажет влияние и на понимание содержания и критериев правового прогресса.

Даже поверхностный взгляд на выделенные здесь этапы позволяет утверждать, что проблема понимания содержания правового прогресса и тем более выделение его критериев всегда обостряется в переходные периоды развития права и государства, когда нарастают противоречия и происходит эскалация разного рода деструктивных процессов, часто ведущих сначала к кризисному состоянию национального политико-правового поля, затем к состоянию катастрофы конкретной государственности, а затем (последняя стадия деградации национального государственно-правового и социального мира!) к распаду — разрушению системных правовых, политических и духовных связей. Именно в такие ситуации и надо искать новые структурно-содержательные дефиниции правового прогресса.

Методология исследования основана на том, что правовой прогресс в его теоретическом и правокультурном измерении исследуется в контексте диалектического и герменевтического методов, которые выступают в качестве всеобщих, философских способов познания. Кроме этого, изучение природы правового прогресса предполагает использование сравнительно-правового и сравнительно-исторического методов, позволяющих вскрыть его доктринальные, содержательные основы в широком правокультурном поле: отечественном и западном.

Выводы

В истории права и государства России можно выделить несколько переломных моментов, своего рода «болевых точек», которые тем не менее стимулировали дальнейшее развитие и правовых, и политических институтов, приводили их к новым качественным характеристикам:

1) принятие христианства в 988 году (создает возможность юридических и духовных заимствований из Византийской империи, которые, правда, например перевод и принятие Номоканона, получили в русском праве самобытное название — «Кормчая книга»), когда благодаря стараниям митрополита Илариона начинает формироваться

и самобытный *русский юридический словарь*: «Правда», «Страх», «Гроза», «Истина», позже — «Тишина», означающая правовой порядок;

2) формирование Московского царства на глубоко мессианской идее «Москва — третий Рим». Идея (точнее, идеологема) эта впервые была сконструирована старцем Филофеем в послании дьяку М. Г. Мисюру-Мунехину. В частности, Филофей писал: «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти». Именно в начале XVI века (до 1542 года) и была создана национальная идея, суть которой состояла в признании исключительности русского государства как единственного (после падения Константинополя в 1453 году) суверенного образования, то есть *свободным* (влияние татарских ханов к этому времени было уже скорее номинальным, чем реальным) *православным государством*, следовательно, хранителем истинной православной веры, православной государственности, православного права [21];

3) церковный раскол середины XVII века как результат начавшегося еще на рубеже XV–XVI веков конфликта между иосифлянами и нестяжателями, соответственно, носителями имперско-православной и святоотеческой традиции, приведшего, благодаря деятельности патриарха Никона, к глубинным противоречиям в духовно-религиозной сфере отечественной государственности, а значит (учитывая место и роль православной церкви и ее священного предания), и в правовой, и политической сфере. В частности, в XVII веке частичную реализацию получает иная русская идеологема: «Москва — второй Иерусалим» — суть «изобретение» Никона, имеющее прямое отношение к задуманной им социально-политической, духовной и правовой метаморфозе, а именно переход от устоявшейся в Московском царстве (и ранее) модели государственно-церковных отношений — *цезаро-папизма* — к их антиподу (характерному для раннего западного средневековья) — *папо-цезаризму*, когда «священство царства преболе есть» [Никон]. В этой ситуации, конечно же, критерии правового прогресса должны были поменяться (и постепенно изменяться) в сторону выявления уровня отражения обновленной по греческому образцу православной веры в русских нормативно-правовых актах (на этом фоне уже в полной мере закономерно были нивелированы решения Стоглавого Собора и иные нормативные правовые акты предыдущих исторических периодов, не соответствующие новым православно-имперским ориентирам). Вершиной же светского общегосударственного правотворчества, разумеется, стало Соборное Уложение 1649 года. Вообще, «несмотря на Раскол, несмотря на драматическую судьбу Никона и кризис русской «симфонии властей» царствование это (царя Алексея Михайловича. — *Примеч. авторов*) можно назвать одним из самых плодотворных и удачных в русской истории» [22, с. 225];

4) петровские реформы — это первый опыт радикальной вестернизации отечественного правового пространства, коренной перелом «хребта» русского традиционного государства, православной правовой системы. Именно идеи Никона, как это не парадоксально, стали основой ряда важных петровских преобразований. Петр создал правовой механизм, в соответствие с которым Русская православная церковь уже не могла претендовать на абсолютную власть: он просто уничтожил классическое русское самодержавие — «Царю сила власти — народу сила мнения» [Аксаков И.], — привел страну к уже имеющему

место западному абсолютно полицейскому государству. Что же касается правовой системы, то здесь вообще все было значительно просто: император не верил в силу «правового гения» русских, поэтому внедрил в ткань российской правовой культуры жанр (в начале 90-х годов XX века он станет привычным) «юридического перевода», когда основным методом правотворчества и правоприменения стала механическая рецепция западных юридических норм и форм (шведских, германских, английских и др.), переводимых на русский язык. Национальное же (оригинальное, соответствующее собственному типу нормотворчества) правотворчество было примерно на сто лет просто забыто. Конечно, «точками референции» здесь стали кодификационная деятельность М. М. Сперанского и логическим следствием — реформы Александра II. Попыткой изменить критерии, да и само понимание правового прогресса явились так называемые «контрреформы» (об этом можно еще спорить!) Александра III, подлинным архитектором которых, конечно же, стал К. П. Победоносцев;

5) трудно спорить и с тем, что глобальным переломом российской правовой и политической жизни стали революции 1917 года, конечно, в полной мере можно и нужно назвать «революцией» именно октябрь 1917-го, если под «революцией» мы вообще понимаем именно качественный и быстрый перелом всей сферы бытия общества и человека (от бытовой до политико-правовой). Здесь к новому пониманию «правового прогресса» приходят все же не сразу, так как учитываются такие важные моменты (в контексте переходного состояния права и государства), как преемственность и новизну государственно-правового развития.

Здесь можно вспомнить хотя бы первый, собственно, советский Гражданский кодекс 1922 года, который во многом повторял нормы и принципы имперского гражданского права. В этот же период Кодекс законов РСФСР о браке 1918 года признавал сохранившими юридическую силу ряд норм части первой тома X Свода законов, например, нормы о том, что церковные и религиозные браки, заключенные до 20 декабря 1917 года, имеют силу зарегистрированных браков. В Уголовный кодекс РСФСР 1922 года вошло немало идей и формул, выработанных в дореволюционное время буржуазной юриспруденцией (например, категории «умысел» и «неосторожность», «невменяемость» и др.). Так или иначе, но проблема формулирования содержания и критериев правового прогресса все же возникла только после 1938 года, когда А. Я. Вышинский сформулировал новое определение социалистического права как типологии российского права, наделив его новыми сущностными (классовыми, марксистскими) характеристиками. Здесь на доктринальном уровне и произошел разрыв доктринальных национальных доктрин права и правопонимания с ранее устоявшимися концепциями;

6) конечно, самый «темный» в этом плане есть современный или постсоветский период. Здесь можно только выделить две фазы понимания правового прогресса: *модернизационную* (вестернизационную) и *постмодернизационную*. Здесь стоит назвать ряд концепций, соответствующих этим направлениям: либеральную (либо «либертарную» — Нерсисянц В. С., Четвернин В. А. и др.), консервативную (умеренно православную модель и др.) стратегию развития права и государства, каждая из которых по-своему трактует содержание правового прогресса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Захарцев С. И., Сальников В. П. О правовом прогрессе как философско-правовой проблеме // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 2 (3). С. 113–121.
2. Шулькина А. Л. Государственно-правовой прогресс в контексте консервативного правового мышления // Философия права. 2012. № 3 (52). С. 105–109.
3. Азизова В. Т., Ягияев С. Л. О правовом прогрессе как юридической категории // Евразийский юридический журнал. 2016. № 12 (103). С. 79–80.
4. Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Правовой менталитет как основание исследования национального права и публично-властной организации в XXI веке // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 444–447.
5. Мордовцев А. Ю. Особенности правопонимания в современной России: формирование нового дискурса // Философия права. 2011. № 3 (46). С. 13–17.
6. Мордовцев А. Ю. Реальность юридического мира в пространстве национальной культуры: вопросы теории и методологии // Философия права. 2003. № 2. С. 66.
7. Плешков Е. В., Апольский Е. А. Особенности становления и раннего развития канонического права (до V века н. э.) // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 4 (8). С. 143–146.
8. Апольский Е. А., Плешков Е. В. «Декреты» Бурхарда как символ компиляций канонического права X–XI вв. // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2015. № 4. С. 51–56.
9. Берг Л. Н. Юридическая наука как фактор правового прогресса // Юридическая наука и образование. 2011. № 4. С. 215–219.
10. Апольский Е. А. Дореволюционная диссертационная разработка римского частного права // Вестник СевКавГТИ. 2012. № 12. С. 85–90.
11. Плешков Е. В., Апольский Е. А. Текущие проблемы и перспективы осуществления местного самоуправления на Юге России (на примере Ставропольского края и Ростовской области) // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2013. № 2 (6). С. 243–246.
12. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. I. Античность. Санкт-Петербург, 1997.
13. Платон. Сочинения : в 3 т. : [пер. с древнегреч.] / Платон ; [под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса]. М. : Мысль, 1968–1972. (Философское наследие : ФН). [Т. 38]: Т. 2 / [ред. второго тома А. Ф. Лосев]. 1970. 609, [2] с.
14. Платон. Сочинения : в 3 т. : [пер. с древнегреч.] / Платон ; [под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса]. М. : Мысль, 1968–1972. (Философское наследие : ФН). [Т. 31]: Т. 1 / [ред. первого тома и авт. вступ. статьи А. Ф. Лосев]. 1968. 621, [2] с.

15. Платон. Сочинения : в 3 т. : [пер. с древнегреч.] / Платон ; [под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса]. М. : Мысль, 1968–1972. (Философское наследие : ФН). [Т. 45] : Т. 3, ч. 2 / [ред. А. Ф. Лосев]. 1972. 678 с.
16. Козлихин И. Ю., Поляков А. В., Тимошина Е. В. История политических и правовых учений. СПб., 2007.
17. Августин Аврелий. О граде Божием. М., 2014.
18. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
19. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
20. Мордовцев А. Ю., Попов В. В. Российский правовой менталитет. Ростов н/Д, 2007.
21. Золотухина Н. М. Политико-правовая мысль России XVI в.: Филофей и «Филофеев цикл». М., 2015.
22. Иоанн (Снычев) митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа: Очерки русского самознания. СПб., 1994.

REFERENCES

1. Zakhartsev S. I., Salnikov V. P. About legal progress as a philosophical and legal problem // Russian Journal of Legal Studies. 2015. No. 2 (3). P. 113–121.
2. Shulkina A. L. State legal progress in the context of conservative legal thinking // Philosophy of law. 2012. No. 3 (52). P. 105–109.
3. Azizova V. T., Yagiyayev S. L. About legal progress as a legal category // the Eurasian juridical magazine. 2016. No. 12 (103). P. 79–80.
4. Mordovtsev A. Yu., Mamychyev A. Yu. Legal mentality as the basis for the study of national law and public power in the XXI century // Azimuth of scientific research: economics and management. 2016. Vol. 5. No. 4 (17). P. 444–447.
5. Mordovtsev A. Yu. Peculiarities of legal understanding in modern Russia: the formation of a new discourse // Philosophy of law. 2011. No. 3 (46). P. 13–17.
6. Mordovtsev A. Yu. The reality of the legal world in the space of national culture: questions of theory and methodology // Philosophy of law. 2003. No. 2. P. 66.
7. Pleshkov E. V., Apolsky E. A. Peculiarities of the formation and early development of canon law (up to V century AD) // Bulletin of the North Caucasus Humanitarian Institute. 2013. No. 4 (8). P. 143–146.
8. Apolsky E. A., Pleshkov E. V. «Decrees» of Burchard as a symbol of compilations of the canon law of the 10th–11th centuries // Bulletin of the North Caucasus Humanitarian Institute. 2015. No. 4. P. 51–56.
9. Berg L. N. Juridical science as a factor of legal progress // Juridical science and education. 2011. No. 4. P. 215–219.
10. Apolsky E. A. Pre-revolutionary thesis development of Roman private law // Scientific Bulletin SevKavGTI. 2012. No. 12. P. 85–90.
11. Pleshkov E. V., Apolsky E. A. Current problems and prospects for the implementation of local self-government in the South of Russia (by the example of the Stavropol Territory and the Rostov region) // Bulletin of the North Caucasus Humanitarian Institute. 2013. No. 2 (6). P. 243–246.
12. Reale J., Antiseri D. Western philosophy from the source to our days. I. Antiquity. Saint-Petersburg, 1997.
13. Plato. Compositions : in 3 volumes : [trans. from Ancient Greek.] / Plato ; [under the editorship of A. F. Losev and V. F. Asmus]. M. : Thought, 1968–1972. (Philosophical heritage: FN). [Vol. 38] : Vol. 2 / [volume 2 edited by A. F. Losev]. 1970. 609, [2] p.
14. Plato. Compositions : in 3 volumes : [trans. from Ancient Greek.] / Plato ; [under the editorship of A. F. Losev and V. F. Asmus]. M. : Thought, 1968–1972. (Philosophical heritage: FN). [Vol. 31] : Vol. 1 / [volume 1 and introductory article by A. F. Losev]. 1968. 621, [2] p.
15. Plato. Compositions : in 3 volumes : [trans. from Ancient Greek.] / Plato ; [under the editorship of A. F. Losev and V. F. Asmus]. M. : Thought, 1968–1972. (Philosophical heritage: FN). [Vol. 45] : Vol. 3, part 2 / [ed. by A. F. Losev]. 1972. 678 p.
16. Kozlikhin I. Yu., Polyakov A. V., Timoshina E. V. History of political and legal doctrines. SPb., 2007.
17. Augustine Aurelius. On the City of God. M., 2014.
18. Hegel G. V. F. Philosophy of law. M., 1990.
19. Fedotova V. G. Modernization of the «other» Europe. M., 1997.
20. Mordovtsev A. Yu., Popov V. V. Russian legal mentality. Rostov on Don, 2007.
21. Zolotukhina N. M. Political and legal thought of Russia in the XVI century: Philotheus and the Philofeev cycle. M., 2015.
22. Ioann (Snychiv) Metropolitan of St. Petersburg and Ladoga. Autocracy of the spirit. Essays on Russian identity. SPb., 1994.

Как цитировать статью: Мордовцев А. Ю., Поздняков И. П. Правовой прогресс в теоретическом и правокультурном измерении // Бизнес. Образование. Право. 2018. № 3 (44). С. 275–281. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.349.

For citation: Mordovtsev A. Yu., Pozdnyakov I. P. Legal progress in theoretical and law and culttural measurement // Business. Education. Law. 2018. No. 3 (44). P. 275–281. DOI: 10.25683/VOLBI.2018.44.349.